

окошка, а вы собирайтесь на площади: «съ нами Богъ, никто же на ны!»

Сказано, сдѣлано. Купечество обожило дѣдушку, вѣрило ему и боялось его. Это было въ послѣднихъ числахъ сентября 1812 года; въ одинъ изъ этихъ дней, по Дмитровской дорогѣ завидѣлась пыль и молодой парень, посланный отъ жителей города въ Дмитровъ, задыхался, рассказалъ мнѣ грустную вѣсть, что Французы въ Дмитровѣ: а Дмитровъ не за горами, всего только пятьдесятъ-двѣ версты. Но сколько ихъ тамъ было, онъ не могъ сказать, потому что только слышавъ крикъ «Французы въ городъ!», онъ съѣз на лошади и поминай какъ звали. Такъ доносилъ посланный. «Экой дурачина!» говорилъ дѣдушка; осель! повторялъ за нимъ старики, и всѣ, подумавъ, потолоквали и разошлись въ разные стороны. Врядъ ли кто заснулъ покойно въ эту ночь; съ раннею зарею всѣ были уже на площади въ виду городническаго дома. Прошелъ этотъ день становилось темно, вдругъ по дорогѣ отъ Петербурга поднялась тьма. Что это было, никто не могъ сказать утвердительно; не даромъ говоритъ пословица, что у страха глаза велики, и хотя отъ Петербурга нельзя было ждать неприятеля (тамъ стоялъ корпусъ ополченія), но страхъ заставилъ ударить тревогу. Дѣдушка выстрѣлилъ, махнулъ своимъ клѣтчатымъ краснымъ платкомъ, и въ придакъ болѣзнь крикнулъ! «Съ нами Богъ!» Храбрая дружина не слыша подъ собою земли, пустилась по петербургской дорогѣ; какихъ тутъ не было орудій и оружія! даже коцери и хватки были тутъ въ дѣлѣ. Отецественная война даже трусовъ дѣлала храбрыми, а храбрцевъ героями.

Я уже сказала, что ополченіе облегало съ петербургской стороны городокъ Клины, по большой дорогѣ въ селѣ Селевинѣ стоялъ штабъ какого-то полка, полковникъ отлучился за приказаніями къ генералу, а офицеры, собравшись въ дружеской кружокъ, чтобы убить время, играли въ карты, пили и курили. Но не такъ шивали они прежде; попойка ихъ похожа была на похоронный пиръ; грустны и тревожны были ихъ лица: и до нихъ достигла вѣсть, что Французы смѣло фуражировали даже въ Дмитровѣ, не только по деревнямъ. Они съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія полковника и коротили время, какъ я уже вамъ сказала.

Темнѣло, сѣренкія тучи бродили по небу, морозило, а вѣтеръ взрывалъ пыль клубами на большой московской дорогѣ. «Истѣ! тузы пикъ!» зарѣвелъ густымъ басомъ поручикъ Пудовиковъ, выпившій лишній стаканъ пуншу. — Убить! сказалъ равнодушно банкротъ; тузы пикъ самая несчастная карта; не советую вамъ его ставить замѣтилъ молоденькой пранорщикъ. «Молоденекъ, батенька, съ своими наставленіями; ты знаешь, въ игрѣ совѣтники не нужны; пятого похъ столь, ползай ка туда для пробы.» Я, г. поручикъ, я ползу похъ столь! Да покакому праву вы позволяете себѣ говорить такія вещи? Я молодой, но... «Французы показались отъ Клины, ваше благородіе!» вымолвилъ, задыхаясь, прискакавшій новобранный ополчанинъ, принявшій клинскую дружину за Французовъ. По мѣстамъ! закричалъ вошедшій капитанъ и съѣвшимъ словомъ столь, карты, рублевки и стаканы полетѣли на полъ. Всѣ бросились вонъ, иные стали на чужихъ лошадей, а одинъ чудакъ изъ обывателей попалъ лицомъ къ хвосту лошади, и она, сдѣлая за своими товарищами, вывезла его благородіе съ триумфомъ изъ конюшни. Тревога кончилась ничѣмъ, всѣ были въ порядкѣ, выстроившись, и готовы выступить по первому приказанію. Но второй прискакавшій вѣстникъ, казакъ, успокоилъ всѣхъ разговоромъ о фальшивой тревогѣ въ Клину, и о томъ, какъ испуганный толпою ополчанинъ принялъ клинскую дружину за Французовъ. Всѣ души смѣялись, только одинъ Пудовиковъ ошеломленный потерю рублевковъ возвратился въ пзбу, догнривать на «пикового туза».

Но я пишу рассказъ о моемъ дѣдушкѣ, а не исторію войны 1812 года, которая описана и еще пишется и теперь, людьми опытными въ ратномъ дѣлѣ. А потому и хочу только кончить начатой

рассказъ о добромъ дѣдушкѣ. Въ началѣ зны семейство его состоявшее изъ жены и воспитанницы ихъ, возвратилось изъ деревни. Уѣздный городокъ наполнился жителями и проезжающими въ свои деревни помѣщиками. Послѣ молебствія о изгнаніи врага, святки были самыми веселыми и шумными; молодцы и старыя рядились, катались, пѣли, пляли и танцовали; дѣдушка и бабушка угощали не жалѣя; не доставало даже «годовой порціи наливковъ и запеканки».

Веселясь, добрые мои соотечественники не забывали, какъ своихъ, такъ и чужихъ несчастливцевъ; въ каждомъ домѣ, особливо въ домѣ городничаго, вмѣсто рукодѣля и вышиванья, шили корню для своихъ и чужихъ раненыхъ. Чужие раненые были лѣнные офицеры и солдаты разныхъ націй, проходившіе мимо Клины въ дальнія губерніи большими партиями. Тутъ только я узнала, на что дѣдушкѣ нужны были шпримы въ залѣ; по недостатку комнатъ для помѣщенія и за неимѣніемъ больницъ въ городкѣ, за шпримы становились кровати для раненыхъ, и за этими же шпримами бабушка, перевязывала сама раненыхъ; свѣжая корню и перевязка облегчала и утешала боль. По возможности, они угощали какъ своихъ, такъ и чужихъ, и иногда надѣляли даже бѣлымъ. Въ это тяжкое для всѣхъ время они были настоящіе благодѣтели страдающаго человечества, и теперь памяты для меня благословенія, произносимыя устами чуждыхъ воиновъ, согрѣтыхъ, напѣтыхъ и успокоенныхъ какъ у себя въ домѣ.

Въ 1814 году скопчалась бабушка, а въ 1815 году последовала за нею и дѣдушка. Воспоминанія объ нихъ и теперь еще живутъ въ сердцахъ стариковъ, жителей маленькаго городка. «Царствіе имъ небесное! Добрые были люди!» говорятъ и теперь тѣ которые ихъ знавали; и я скажу отъ себя жалъ, что васъ вѣтъ теперь, добрые мои дѣдушка и бабушка. Не говорю вы на языкахъ иностранныхъ, но всѣ націи познали васъ, потому, что благотворительность и милосердіе во всякомъ языкѣ понятны.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

When we two parted.

1.

Когда прощались мы съ тобой,
Вздыхая горячо,
Ко мнѣ кудрявой головой
Ты нашла на плечо...
Въ твоихъ глазахъ была печаль,
Молчанье на устахъ...
А мнѣ невѣдомая даль
Внушала тайный страхъ...

2.

Росы холодная струя
Упала съ высоты —
И угадалъ заранѣ я,
Что мнѣ замѣнишь ты...
Сбылось пророчество: молва
Разнеситъ всюду вѣсть,
Что ты священный права
Утратила на честь...

3.

И каждый разъ, какъ слышу я
Объ участи твоей,
На части рвется грудь моя
Сильнѣе и сильнѣй...
Толпа не знаетъ, можетъ быть,
Про тайный нашъ союзъ —
И смѣло рветъ святую нить
Сердечныхъ нашихъ узъ...

4.

Какъ быть!.. знать, есть всему пора...
Но плачу я о томъ,
Что сердцу лѣтвишемъ вчера
Промчалось легкимъ сномъ.
Ахъ, если гдѣ нибудь обитъ
Увижусь я съ тобой,

Скажи, какъ мнѣ тебя встрѣчать? —
Молчаньемъ и слезой...

C. Дуровъ.

=

II.

ВИЛІЯ.

п ѣ с н я.

Вилія, рѣкъ родныхъ царица,

Вилія славится давно:

Ликъ ея свѣтлѣй денницы,

Золотые крестъ дни.

У Литвинки ликъ пѣжиѣ,

Сердце чпше и свѣтлѣе.

Вилія ковенской долиной

Протекаетъ межъ цвѣтовъ;

Предъ Литвинкой богиней

Цвѣтъ литовскихъ молодцовъ,

Всѣхъ красивѣй и милѣй

Розъ, тюльпановъ и лилей.

Отъ цвѣточковъ отдалилась,

Вилія къ Нѣману спѣшитъ;

А Литвинка загордилась,

Нашихъ юношей бѣжитъ:

Чужеземецъ ей по сердцу,

Предалася шивтрюу.

Нѣманъ Вилію принимаетъ,

Мчитъ съ ней черезъ скалы.

Къ груди холодной прижимаетъ.

Плещутъ мутные валы;

И вотъ оба мчатся дружно

Въ море съ пѣною жемчужной.

Такъ Литвинку молодую

Чужеземецъ увлечетъ

Въ землю дальнюю, чужую,

Въ землю горя и заботы;

И въ забвеніи, слезахъ.

Ты утопешъ, какъ въ волнахъ.

Го грозить напрасно рокъ;

Глухо сердце и потокъ:

Сердце любить и страдаетъ,

Вилія къ Нѣману бѣжитъ

Нѣманъ Вилію принимаетъ

Лаской, нѣгою поя;

Два плачетъ и страдаетъ,

Въ кельѣ грусть свою тая.

K.

ПЕРЕПИСКА.

Милостивой государынѣ К. — С — ой. Съ нетипною признательностью получили мы вашу присылку. За картинку, принадлежащую къ Исторіи и Топографіи великой земли русской, приносимъ благодарность. Другихъ не можемъ помѣстить по особеннымъ поводамъ, которые извѣстны считаемъ излишними; что же касается до текстовъ, то Топографическій пойдетъ вмѣстѣ съ гравюрой, а «Вашъ дѣдушка» предупредилъ это письмо. Кажется, отвѣтъ нашъ совершенно удовлетворителенъ.

Г. О. Д. На письмо ваше о томъ, что механическіе галетухи уже съ октября прошедшаго года въ Петербургѣ и продаются въ магазинѣ à la Toilette, имѣемъ честь довести, что Н. П. Гречу это могло быть и не извѣстно; но оговорку слѣдуетъ сдѣлать тѣмъ, которые здѣсь проживаютъ, и проч.

Aut Luther, aut Huss. Съ удовольствіемъ. Каждый день съ 7 до 9 ч. вечера.

Г. Д — у съ позволенія сказать, требуются незначительныя перестройки.

Г. З — ѣ. Грусть да грусть наведетъ грусть; а впрочемъ всѣ эти грусти и печали очень хороши и мы поставили ихъ на очередь въ компанію разныхъ скорбей и горестей, ими же облуетъ наша поэзія.

Г. Д — у На современность отвѣчать еще несовременно.

У 49. — Очень хорошо стихотвореніе; но въ томъ бѣда, что старика пѣтъ въ началѣ; онъ является нечаянно и неавѣстно откуда. Впрочемъ мы ставимъ его на очередь, чтобы по доставленіи исправленнаго текста оно уже имѣло мѣсто.

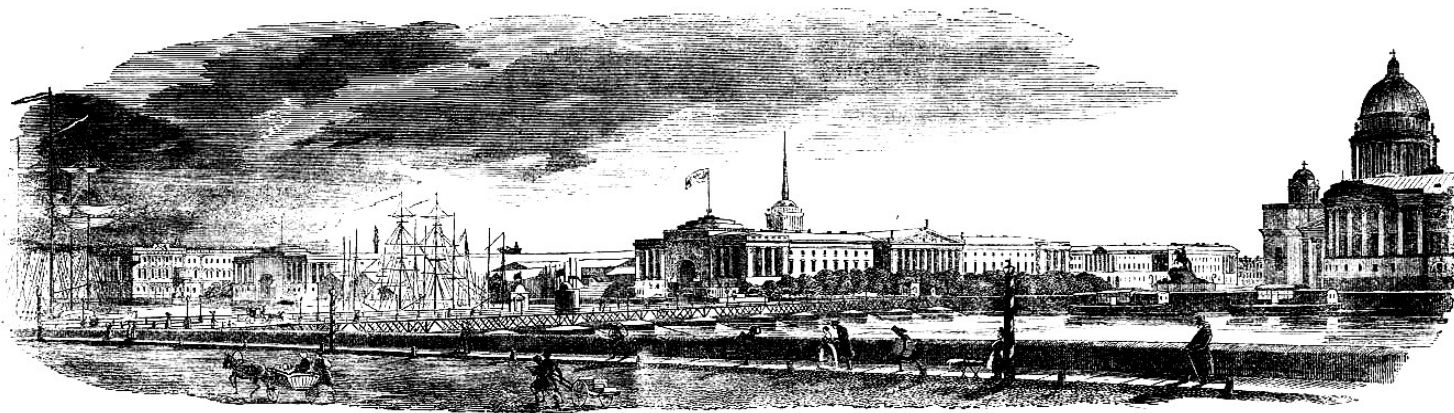
Г. К — ѣ. Карьера Лѣва хороша и правдива; но ужъ очень обыкновенно, ежелвенно, а ежедневное все نابѣждаетъ.

Г. г. О. П. и С. — въ. Хотя на этой недѣлѣ, какъ видите очень мало писемъ, потому что весною нашимъ корреспондентамъ очень мало времени; но у насъ еще меньше, почему и промайте!

ИЛЛЮСТРАЦІЯ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ ВСЕГО ПОЛЕЗНАГО И ИЗЯЩНАГО.

Государственное
Бюро издательств
С. С. С. Р.
И. В. В. Лодкина

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Т. II. № 17. — СУББОТА, 11 МАЯ 1846.

Подписная цѣна на годъ 10 р. сер.; съ доставкою и пересылкою 11 р. 50 к. сер.

(№ 53.)